

Джеральд Даррелл

Книга, завораживающая
в буквальном смысле слова.

Sunday Times

**Роман публикуется
в новом переводе!**

САД БОГОВ

Большой роман

Джеральд Даррелл

Сад богов

«Азбука-Аттикус»

1978

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Сад богов / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус», 1978 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21338-8

«Сад богов» – это продолжение романов «Моя семья и другие звери» – «книги, завораживающей в буквальном смысле слова» (Sunday Times) и «самой восхитительной идиллии, какую только можно вообразить» (The New Yorker) и «Птицы, звери и родственники», а также сборника «Праздники, звери и прочие несуразности». С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоренса Даррелла – будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. Эти романы и сборники разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» (с течением времени разросшаяся до шести книг) трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз – в 2016–2019 гг., когда британская компания ITV выпустила сериал «Дарреллы» (в четырех сезонах), одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»). Роман публикуется в новом переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21338-8

© Даррелл Д., 1978
© Азбука-Аттикус, 1978

Содержание

Вступительное слово	8
1. Собаки, сони и сумятица	9
2. Призраки и пауки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеральд Даррелл

Сад богов

© С. Э. Таск, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Джеральд Даррелл вошел в историю не только как писатель, но и как натуралист и просветитель. Главным его наследием стали зоопарк в Джерси, где разводят и выпускают на волю диких животных, и собственно «Трилогия о Корфу», начатая романом «Моя семья и другие звери» – одной из лучших книг о путешествиях в истории литературы. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а затем в Англии даже вошли в школьную программу.

Все персонажи, упомянутые здесь, – реальные люди, и все они Дарреллом тщательно описаны. То же касается и животных. И все описанные в книге случаи – факты, хотя и не всегда изложенные в хронологическом порядке, но об этом автор сам предупреждает в предисловии. Диалоги тоже точно воспроизводят манеру, в которой Дарреллы общались друг с другом. Итак, если детство и вправду, как говорят, «банковский счет писателя», то именно на Корфу Джеральд с лихвой пополнил его опытом, впоследствии отраженном в его знаменитых книгах.

The Corfiot

Читая Даррелла, ты будто оказываешься в раю, где неведомы заботы и возможно все.

New York Times

В число лучших книг, которые помогают вернуть радость к жизни и справиться с хандрой, безусловно, входят произведения Джеральда Даррелла. В самом названии книги... заключена, как и положено, вся ее суть. Автор действительно рассказывает о членах своей семьи и о греческих друзьях своей семьи как о взбалмошных, непредсказуемых, но очень симпатичных экспонатах некоего «зверинца памяти», а о разнообразных животных, которых он в детстве ловил и наблюдал на острове Корфу, – как о любимых членах семьи. Ровный и сильный свет мягкого юмора и радостного принятия жизни заливает страницы книги Даррелла, превращая летопись существования взрослых, детей и зверей на острове Корфу в описание рая на земле.

Gorky.ru

Самая восхитительная идиллия, какую только можно вообразить.

The New Yorker

Книга, завораживающая в буквальном смысле этого слова.

Sunday Times

Уникальность Даррелла в том, как он подмечает многочисленные смешные чудачества – и людские, и звериные.

Sunday Telegraph

* * *

Эта книга посвящается Энн Питерс, которая когда-то была моей секретаршей и навсегда останется моим другом, потому что она обожает Корфу и, возможно, знает его лучше меня

Вступительное слово

Это уже третья книга, посвященная пребыванию моей семьи на острове Корфу перед последней мировой войной. Кто-то, возможно, удивится, что у меня еще нашелся материал об этом периоде жизни, но тут позвольте заметить, что мы тогда по греческим меркам были людьми весьма состоятельными; никто из нас не работал в общепринятом значении слова, вот почему мы проводили большую часть времени в забавах. А если это растянулось на целых пять лет, поневоле накопится изрядный материал.

Проблема с написанием серии книг, в которых задействованы одни и те же или почти одни и те же персонажи, состоит в том, что тебе не хочется утомлять читателя предыдущих опусов бесконечными описаниями уже знакомых персон. Но нельзя же из тщеславия полагать, что все прочли эти ранние книжки, вот и приходится допустить, что кто-то знакомится с твоим творчеством впервые. Непросто славировать так, чтобы не сердить старого читателя, но и нового совсем уж не перегружать. Надеюсь, мне это удалось.

О первой книге трилогии – «Моя семья и другие звери» – я высказался в свое время следующим образом и лучше, пожалуй, не смогу: «Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли – девятнадцать, Марго – восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно уточнил: она вдова, – поскольку, как она весьма проницательно заметила, мало ли что люди могут подумать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, наблюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем „Британская энциклопедия“, мне пришлось складывать, перекраивать и подрезать материал, в результате чего от первоначальной последовательности событий мало что осталось».

А еще я тогда сказал, что «был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольствием бы описал», – вот я и постарался теперь восполнить былые пробы. Надеюсь, эта книга доставит читателям такое же удовольствие, как и предыдущие – «Моя семья и другие звери» и «Птицы, звери и родственники». Здесь отражены очень важная часть моей жизни и то, чего многие нынешние дети, кажется, увы, лишены, – поистине счастливое, солнечное детство.

1. Собаки, сони и сумятица

На ужасном турке следует решительно поставить крест¹.
Томас Карлейль

То лето выдалось особенно плодоносным. Казалось, солнце решило собрать с острова небывалый урожай: еще никогда мы не видели такого обилия фруктов и цветов, море не было столь теплым и щедрым на рыбу, птицы не выкармливали столько потомства, а вокруг не порхало такого количества бабочек и других насекомых. Арбузы, хрустящие и прохладные, как порозовевший снег, смотрелись внушительными ботаническими снарядами, и одного такого хватило бы, чтобы стереть с лица земли целый город. Персики, оранжевые и розовые, как месяц в полнолуние, пугали на дереве своими размерами, их толстую бархатистую кожуру распирал сладкий сок. Черный инжир даже кое-где полопался, и в розовых трещинках золотистые бронзовки сидели осоловелые от этой неизбывной щедрости. Вишни осели от груза ягод, и можно было подумать, что где-то в саду зарезали дракона и он забрызгал всю листву своей алой кровью. Кукурузные початки выросли длиной с мою руку от локтя до кисти, и стоило запустить зубы в канареечно-желтую мозаику из зерен, как в рот брызгал молочно-белый сок. Деревья раздавались и округлялись, уже готовя себя к осени, обрастали зеленым, как нефрит, миндалям, грецкими орехами и оливками, обтекаемыми, яркими и блестящими, словно птичьи яйца.

Естественно, после того как жизнь на острове забила ключом, мои усилия по пополнению домашней коллекции удвоились. Помимо еженедельного времяпрепровождения с Теодором, я стал устраивать куда более смелые и масштабные экспедиции, так как теперь в моем распоряжении находилась ослица Салли, подарок к моему дню рождения. Как средство передвижения и выючное животное она была бесценна, но при этом отличалась большим упрямством. Правда, это уравновешивалось одной добродетелью: как все ослы, она отличалась бесконечным терпением. Пока я наблюдал за тем или иным созданием, она с блаженным видом таращилась в одну точку или погружалась в дрему, состояние счастливого транса, доступного всем ослам, когда, смежив глаза, они впадают в нирвану и становятся невосприимчивы к окрикам, угрозам и даже ударам палкой. Собаки, например, проявив некоторое терпение, начинали зевать, вздыхать и чесаться – словом, всячески показывать, что они уделили уже достаточно времени какому-нибудь пауку или иному существу и пора двигаться дальше. Салли же, впадая в дрему, казалось, готова была с радостью стоять так дни напролет, если надо.

Однажды мой друг-крестьянин с острым глазом, добывавший для меня разную живность, сообщил мне о том, что в каменистой долине в пяти милях к северу от нашей виллы появились две огромные птицы. Видимо, они там гнездились. Судя по его описанию, речь шла об орлах или стервятниках, и я загорелся желанием заполучить их потомство. Мою коллекцию хищных птиц составляли три вида сов, ястреб-перепелятник, дербник и пустельга, так что орел или стервятник ее бы только украсили. Понятно, что я об этом ни словом не обмолвился дома, так как счета за мясо для моих питомцев были и без того астрономическими. А кроме того, я легко себе представил реакцию Ларри на мое предложение обзавестись стервятником. В подобных случаях я всегда предпочитал ставить его перед фактом. Когда на вилле появлялся новый обитатель, я, как правило, мог рассчитывать на поддержку матери и Марго.

К экспедиции я приготовился со всем тщанием: запасы еды для себя и собак, лимонад «Гасоса», обычный ассортимент жестянок и коробок, сачок для бабочек и большая сумка для будущего орла или стервятника. Еще я прихватил бинокль брата, помощнее моего. К счастью,

---

¹ Из письма шотландского философа и историка Томаса Карлейля (1795–1881) в газету «Таймс»; письмо было посвящено Балканскому кризису 1875–1876 гг. (Здесь и далее примеч. перев.)

спросить было не у кого, но будь Лесли дома, я уверен, что он бы мне не отказал. В последний раз проверив все пожитки, я принялся навьючивать на Салли мой скарб. Она была в исключительно мрачном и норовистом настроении, даже по ослиным меркам, и вывела меня из себя, намеренно наступив мне на ногу, а затем больно укусив за попу, когда я нагнулся, чтобы поднять сачок. Получив в ответ удар палкой за плохое поведение, она обиделась не на шутку, так что наша экспедиция началась с серьезной ссоры. Я холодно поправил соломенную шляпку, прикрывавшую ее мохнатые уши, формой напоминавшие лилии, свистнул собак, и мы отправились в путь.

Несмотря на раннее утро, солнце жарило уже всю, а чистое небо было жгуче-голубым, как соль, брошенная на раскаленную сковородку, с туманным маревом по краям. Дорогу покрывала толстым слоем белая пыль, липкая, как цветочная пыльца. Навстречу нам ехали мои друзья-крестьяне на своих ослах – кто на рынок, кто в поле трудиться. Это неизбежно тормозило наше продвижение к цели, ибо хорошие манеры требовали, чтобы я переговорил с каждым. На Корфу твоя святая обязанность – какое-то время посплетничать и, очень может быть, принять в дар кусок хлеба, сушеные арбузные семечки или гроздь винограда в знак любви и уважения. Поэтому к тому моменту, когда мы свернули с горячей пыльной дороги в прохладную оливковую рощу на холме, меня уже хорошо нагрузили всевозможными съестными припасами, и самым большим из них был арбуз – щедрый подарок, навязанный мне мамашей Агати, моей доброй подружкой, с которой мы не виделись аж целую неделю, и все это время, по ее глубокому убеждению, я голодал.

После дорожной парилки оливковая роща порадовала тенью и прохладой деревенского колодца. Собаки, как всегда, бежали впереди, рыская вокруг мощных изъеденных стволов и периодически срываясь на лай от возмущения нагло проносившимися над самой землей ласточками, за которыми они всю гонялись, а не догнав, срывали злость на какой-нибудь невинной овечке или простодушной курице, за что приходилось их строго отчитывать. Салли, забыв о своей обиде, бойко трусила, одно ухо вперед, другое назад, чтобы слышать мое пение или комментарии по поводу пейзажа.

В какой-то момент мы оставили тенистую рощу, а дальше наш путь лежал вверх по палимым склонам через заросли мирта, дубовые перелески и космы раkitника. Салли топтала копытами траву, нагретый воздух был напоен запахами шалфея и чабреца. К полудню тяжело дышащие собаки и мы с ослицей, обливающиеся потом, добрались до золотистых и ржаво-кирпичных скал центральной гряды. Далеко внизу лежало море, похожее на синее льняное полотно. На часах была половина третьего, когда я в расстроенных чувствах присел под прикрытием массивной скалы из обнаженной породы. Следуя инструкциям моего друга, мы действительно обнаружили гнездо, и не чье-нибудь, а белоголового грифона, устроенное на каменном выступе, с двумя пухленькими и почти оперившимися птенцами, как раз готовыми к усыновлению. Вот только проблема заключалась в том, что я никак не мог добраться до гнезда – ни сверху, ни снизу. После часа бесплодных попыток похитить детенышей мне пришлось, как это ни печально, отказаться от идеи пополнить свою коллекцию хищных птиц. Мы спустились с горы и остановились отдохнуть в тени. Я ел бутерброды и сваренные вкрутую яйца, Салли устроила себе легкий перекус из сушеных кукурузных початков и арбузных ломтиков, а собаки утоляли жажду тем же арбузом пополам с виноградом, которые они заглатывали с такой жадностью, что порой начинали кашлять, подавившись косточкой. Из-за своей прожорливости и всякого отсутствия манер они разделались с обедом гораздо быстрее, чем я и Салли, и, с грустью осознав, что больше от меня ничего не дождешься, поплелись вниз по склону в надежде чем-то разжиться самим.

Лежа на животе, я хрустел прохладным, розовым, как коралл, арбузом и осматривался. Метрах в пятнадцати подо мной стоял полуразрушенный крестьянский домик. Здесь и там можно было различить бывшие лоскутные наделы в виде полумесяцев. Когда владелец понял,

что на неплодородной почве много кукурузы и овощей ему не вырастить, он покинул эти места. Дом развалился, а поля заросли сорняками и миртом. Глядя на развалины, я гадал, кто мог здесь жить, когда вдруг увидел, что сквозь заросли чабреца возле одной из стен пробирается какой-то рыжий комок.

Я не спеша поднес к глазам бинокль. Осыпавшиеся камни старой кладки стали гораздо четче, однако я не сразу понял, что привлекло мое внимание. Но вот из зарослей, к моему изумлению, вылез крошечный гибкий зверек, рыжий, как осенний лист. Это была ласка, и, судя по поведению, совсем юная и невинная. До нее ласок на Корфу я не видел, и она меня совершенно очаровала. Осмотревшись вокруг с несколько задумчивым видом, она встала на задние лапы и хорошо принялась. Но, явно не учуяв ничего съестного, снова села и добро-совестно, с заметным удовольствием почесалась. Вдруг она прервала свой туалет, изготовилась и попробовала поймать яркую, канареечного цвета лимонницу. Но бабочка выскользнула из лап и улетела, а ласка с глупым видом пару раз цапнула пустой воздух. Она снова присела на задние лапы, чтобы высмотреть исчезнувшую добычу, потеряла равновесие и чуть не свалилась с камня.

Я восхищался ее миниатюрностью, ярким цветом и невинностью. Больше всего на свете мне хотелось ее поймать и принести домой в свой зверинец, но я понимал, что задача это непростая. А пока я ломал над этим голову, развернулась настоящая драма. Рядом с разрушенным домиком из-за кустов выросла тень вроде мальтийского креста, и низко летящий ястреб-перепелятник нацелился на ласку, которая принялась и совершенно не чувствовала опасности. Пока я соображал, закричать мне или хлопнуть в ладоши и тем самым ее предупредить, она сама заметила хищника. С невероятной скоростью развернувшись, она элегантно вспрыгнула на развалины стены и проскользнула между двух камней, что, казалось, было бы сложно жуку-светляку, а не то что ласке. Этаким трюк: только что сидела на виду – и через секунду исчезла в развалинах, как капля воды. Ястреб завис с распушенным хвостом, полагая, что жертва вынырнет. Но после секунды-другой ожидания ему все это наскучило, и он полетел дальше в расчете на менее капризную цацу. Через некоторое время ласка высунула мордочку из расщелины. Убедившись, что все чисто, она вылезла по-тихому и двинулась вдоль стены. Видимо, сказался недавний опыт, так как она периодически пряталась между камнями. Наблюдая за ней, я раздумывал, как подобраться ближе и набросить на нее рубашку, пока она не догадалась о моем присутствии. Помня о ее профессиональном трюке с исчезновением, я понимал, что задачка будет не из простых.

Вдруг, юркая как змея, она шмыгнула в дыру у основания стены. Из дыры повыше этой с встревоженным видом вылез другой зверек и, взобравшись по стене, юркнул в расщелину. Я страшно возбудился – даже беглого взгляда мне хватило, чтобы узнать существо, которое я уже много месяцев мечтал выследить и поймать: садовая соня, возможно, один из самых красивых европейских грызунов. Вдвое меньше взрослой крысы, желтовато-коричневый мех, ярко-белые подштанники, длинный мохнатый хвост с полосатым черно-белым кончиком и черная меховая мордаха, этакая смешная пародия на маску, какую в давние времена, по рассказам, носили грабители.

Передо мной возникла дилемма. В стене прячутся два зверька, о которых я мечтал, причем один гонится за другим и у обоих ушки на макушке. Если моя атака провалится, я рискую остаться с пустыми руками. Я решил сначала заняться лаской: она будет поживее, а соня, если ее не беспокоить, пожалуй, никуда не уйдет из своей новой норки. По зрелому размышлению я предпочел рубашке сачок и, вооружившись им, начал с предельной осторожностью спускаться по склону, застывая всякий раз, когда ласка высовывала мордочку и озиралась. В конце концов я оказался, незамеченный, метрах в двух от стены. Сжав крепче длинную рукоять сачка, я стал ждать, когда ласка выглянет из катакомб, которые она сейчас обследовала. Сделала она это столь внезапно, что застигла меня врасплох. Она присела и уставилась на меня с любопыт-

ством и без всякого страха. Только я собрался взмахнуть сачком, как, ломая кусты, с высунутыми языками и помахивающими хвостами, выскочили три мои собаки, так громко выражая свой восторг, словно мы не виделись много месяцев. Ласка испарилась. Секунду назад она застыла от ужаса при виде этого нашествия – и вот уже исчезла. Я с горечью отчитал собак и прогнал их наверх, где они улеглись в тени, обиженные и озадаченные моим дурным нравом. А я приготовился ловить соню.

Со временем строительный раствор был размыв дождями и выкрошился, и теперь кладка больше напоминала череду каменных простенков. Со всеми сообщающимися тоннелями и пещерками, она представляла собой идеальное укрытие для маленького зверька. Единственным реальным способом его отловить было разобрать стену по кусочкам, чем я прилежно и занялся. Я вынул значительную часть кладки, но не нашел ничего интереснее, чем парочка негодующих скорпионов, несколько мокриц да юный геккон, который ускользнул, оставив свой хвост. Через час, изнемогая от жары и жажды, я взял передышку и присел в тени еще не до конца разобранный стены.

Я как раз обдумывал, сколько еще времени у меня уйдет на то, чтобы полностью разобрать стену, когда из дыры в метре от меня показалась голова сони. Она вскарабкалась на самый верх, как несколько погрузневший альпинист, и, усевшись на толстенький зад, принялась с особой тщательностью умыть мордочку, полностью меня игнорируя. Я не верил своей удаче. Незаметно, с предельной осторожностью я завел сачок над целью, зафиксировал в нужной точке и резко опустил. Все бы сработало, если бы верх стены был плоским, но увы. Когда я прижал сачок, остался просвет, через который соня, придя в себя после секундной паники, к моему крайнему неудовольствию и огорчению, улизнула, после чего промчалась по стене и юркнула в другую расщелину. Которая, впрочем, оказалась тупиковой, и, прежде чем соня успела осознать свою ошибку, я накрыл вход сачком.

Далее надо было выудить ее оттуда и пересадить в сумку, не дав себя при этом укусить. Задача оказалась не из легких, зверек успел-таки вонзить свои острые зубки в подушечку моего большого пальца, и в результате я, носовой платок и соня были щедро забрызганы кровью. Зато мне удалось ее пленить, и в восторге от своего успеха я взгромоздился на Салли и с триумфом поехал домой вместе с добычей.

По приезде на виллу я поднялся к себе и поместил соню в клетку, в которой еще недавно обитал черный крысенок. Его постигла незавидная участь в когтях моего совенка-сплюшки Улисса, полагавшего, что все грызуны созданы милосердным Провидением исключительно для наполнения его желудка. Вот почему я предпринял все меры, чтобы мою бесценную соню не постигла та же участь. После того как она оказалась в клетке, я получил возможность рассмотреть ее поближе. Выяснилось, что это самка с подозрительно большим животиком, из чего я заключил, что она, вероятно, беременная. После некоторых раздумий я назвал ее Эсмеральдой (я как раз читал «Собор Парижской Богоматери» и страшно полюбил героиню) и приготовил картонную коробку с ватой и сухой травой для нее и будущего потомства.

В первые дни Эсмеральда кидалась на меня, как бульдог, когда я приближался, чтобы ее покормить или почистить клетку, однако уже через неделю она одомашнела и сделалась терпимей, хотя некоторая настороженность сохранялась. Каждый вечер, когда Улисс просыпался на своем карнизе, я открывал ставни, и он улетал поохотиться в лунной роще, чтобы потом полакомиться дома мясным фаршем. Убрав его с дороги, теперь я мог на пару часов выпустить из клетки Эсмеральду поразмяться. Очаровательное существо, в высшей степени изящное, несмотря на свою пышнотелость, она совершала удивительные, захватывающие дух прыжки с буфета на кровать, где скакала, как на батуте, а потом с кровати на книжный шкаф или стол, используя свой длинный хвост с пушистым кончиком в качестве балансира. Чрезвычайно любопытная, по вечерам она устраивала в комнате небольшой досмотр, при этом ее черную маску искажала гримаса, а усы подрагивали. Выяснилось, что она питает непреодолимую

слабость к большим бурым кузнечикам, и, когда я лежал в кровати, она частенько садилась похрустеть этим деликатесом прямо на мою голую грудь. В результате постель была усеяна колючими надкрыльями, обрубками ножек и ошметками роговой грудной клетки. Соня была едоком жадным и не особенно благовоспитанным.

В один прекрасный вечер, когда Улисс упорхнул на бесшумных крыльях с криками «тойнк-тойнк», как это у них принято, я открыл клетку, то бишь картонную коробку, и понял, что соня не желает выходить. Она встретила меня сердитой отповедью. А когда я предпринял попытку обследовать ее спальню, она вцепилась в мой указательный палец мертвой хваткой, и я с большим трудом сумел ее оторвать. Крепко держа ее за холку, я осмотрел территорию и, к своему восторгу, обнаружил восьмерых детенышей, каждый размером с лесной орех и розовенький, как бутон цикламены. Это радостное событие, разрешение от бремени, я отметил тем, что завалил Эсмеральду кузнечиками, арбузными семечками, виноградом и прочими деликатесами, к которым она питала слабость, и, затаив дыхание, принялся наблюдать за ростом малышей.

Со временем глаза у них открылись и отросла шерсть. Довольно скоро самые крепкие и любопытные стали выбираться из детской и ковылять по всей клетке, пока Эсмеральда этого не видела. Но в какой-то момент ее охватывала тревога, тогда она хватала шалопая зубами и с недовольным ворчанием водворяла на место. Справиться с одним-двумя было не так сложно, но когда непоседливостью заразились все восемь, она была вынуждена дать им свободу. Они стали вслед за ней покидать клетку, и тут-то выяснилось, что сони, как и землеройки, привыкли выстраиваться цепочкой. Сначала выбиралась мамаша, затем, держась за ее хвост, малыш № 1, за ним № 2, потом № 3 и так далее. Волшебное зрелище: девять крошечных существ, каждый с черной маской на мордочке, разгуливают по комнате наподобие ожившего шерстяного шарфа, или скачут вприпрыжку по кровати, или карабкаются вверх по ножке стола. Стоило только разбросать на полу или на одеяле мертвых кузнечиков, как весь этот выводок с радостным пискотом набрасывался на угощение, до смешного напоминая банду уличных хулиганов.

Когда молодняк подрос, мне пришлось всех выпустить в оливковую рощу. Задача обеспечения едой девятих ненасытных сонь отнимала у меня слишком много времени. Я их выпустил возле падуболистных дубов, где они и обосновались. Вечерами, на закате, когда небо становилось зеленым, как лист, в полосках предзакатных облаков, я приходил понаблюдать за тем, как сони в своих театральных масках порхают в тени ветвей с грацией балерин, дружно чирикают и попискивая в погоне за бабочками, светлячками и прочими лакомствами.

Следствием моих поисковых операций верхом на ослице стало значительное пополнение собачьего семейства. Мы провели день среди холмов, где я охотился на агам, нашедших себе пристанище в блестящих на солнце гипсовых скалах. Домой мы вернулись к вечеру, когда повсюду лежали угольно-черные тени и все живое купалось в косых золотистых лучах заходящего солнца. Мы взопрели, устали и ужасно хотели есть и пить, а все запасы были давно съедены и выпиты. Последний встреченный нами виноградник подарил нам всего лишь несколько пречерных гроздьев, отдававших укусом; собаки после них скалили зубы и закатывали глаза, а я почувствовал еще больший голод и жажду.

И решил, что раз уж я возглавил экспедицию, то кому, как не мне, обеспечивать команду всем необходимым. Я тормознул и обдумал проблему. Мы находились на одинаковом расстоянии от трех источников пищи. Старый Яни, пастух, наверняка угостил бы нас хлебом с сыром, вот только жена Яни, вероятно, до сих пор трудится в поле, а сам он, возможно, еще пасет коз. Агати жила одна в полуразвалившемся домике, но она такая бедная, что как-то совестно что-то от нее принимать; если на то пошло, это я с ней делился едой, когда оказывался поблизости. Наконец, еще была добрейшая мама Кондос, уж лет восемьдесят, как вдова, жившая с тремя незамужними и, насколько я мог судить, муженепригодными дочерьми на какой-то

нескладной, но процветающей ферме в долине южнее нас. Они были вполне состоятельными по крестьянским меркам: помимо пяти или шести акров возделываемой земли с оливковыми деревьями, у них имелись два осла, четыре овцы и корова. Семейство Кондос можно было назвать «поместными дворянами», и я решил, что именно им выпадет честь окормления моей экспедиции.

Три непомерно толстые и некрасивые, но добрые девицы как раз вернулись с поля и, усевшись вокруг колодца, яркие и крикливые, как попугаи, обмывали свои толстые и волосатые загорелые ляжки. Мама Кондос, словно заводная игрушка, расхаживала туда-сюда, разбрасывая маис взъерошенным квохчущим курам. В маме Кондос не было ничего прямолинейного: миниатюрное тело изогнуто, как серп, ноги кривые от бесконечного таскания на голове всевозможных грузов, руки-крюки из-за поднятия тяжестей, даже губы у нее втянулись поверх беззубых десен, а белоснежные, с вкраплениями этаких семян одуванчиков брови изогнулись над черными в голубой оправе глазами, которые, в свою очередь, охранялись по обе стороны целым частоколом изогнутых морщин на истонченной, словно у молодого грибочка, коже.

Дочери, увидев меня, разразились визгливыми криками радости, обступили меня, как добрейшие лошади-тяжеловозы, прижимали к своим необъятным грудям и обцеловывали, источая в равных пропорциях волны любви, пота и чеснока. Мама Кондос, крошечный кривой Давид среди пахучих Голиафов, отогнала их от меня с душераздирающим «Отдайте его мне, мне! Золотой мой, сердце мое, любовь моя! Отдайте его мне!». Она прижала меня к себе и стала покрывать все лицо болезненными поцелуями, ибо ее десны были тверды, как черепаший рот.

В конце концов, после того как меня всего расцеловали, огладили и исщипали, дабы удостовериться, что это я, мне позволили сесть и потребовали объяснений, почему я игнорировал их так долго. Последний раз я был у них неделю назад! Как я могу быть таким жестоким, таким медлительным, таким ветреным? Но раз уж я здесь, не желает ли гость немного перекусить? Да, отвечаю, еще как желает. И Салли заодно. Что касается моих невоспитанных собак, то они о себе позаботились сами: Писун и Рвоткин обрывали с лозы, обвившей дом, сладкие белые виноградины и жадно их жевали, а Роджер, мучимый, кажется, скорее жаждой, чем голодом, ушел под смоковницы и миндальные деревья и там разделял арбуз. Он разлегся и, ткнувшись носом в прохладную розовую мякоть, закрыв глаза в экстазе, втягивал сквозь зубы освежающий сладкий сок. Салли тотчас получила три початка спелой кукурузы и ведро воды для утоления жажды, а мне достались чудесно запеченная на костре огромная картофелина в черной кожуре, со сладкой сыроватой мякотью, плоская миндаля, несколько фиников, два больших персика, ломоть желтоватого хлеба, оливковое масло и чеснок.

Теперь, когда я проглотил весь харч и утолил голод, можно было сосредоточиться на местных сплетнях. Пеги, дурачок, упал с оливы и сломал руку; Леонора должна родить ребеночка на смену умершему; Яни – нет, не наш Яни, а тот, за холмом, – поссорился с Таки из-за цены на осла, и Таки, разозлившись, выстрелил из обреза в стену под окном у Яни, вот только ночь выдалась темная, а Таки напился, и дом-то был не Яни, а Спино, и теперь все трое друг с другом не разговаривают. Мы с удовольствием перемыли косточки нашим общим знакомым, и тут я впервые обратил внимание на отсутствие собаки мамы Кондос, Лулу, длинноногой поджарой суки с большими печальными глазами и по-спаниели висячими ушами. Как все крестьянские собаки, она была тощей и шелудивой, ребра выпирали, как струны арфы, но я любил это добрейшее существо. Обычно она среди первых приветствовала меня, а тут ее нигде не было видно. Я поинтересовался, не случилось ли с ней чего.

– Оценилась! – воскликнула мама Кондос. – О, хо, хо, хо. Одиннадцать щенков! Ничего так?

Когда подошло время родов, они привязали Лулу к оливе возле дома, и она забралась в пустой ствол, чтобы там произвести на свет потомство. Лулу встретила меня с энтузиазмом и

заинтересованно следила за тем, как я опустился на четвереньки и стал вытаскивать на свет божий ее щенят. В очередной раз я подивился, как у костлявой, полуголодной матери могли родиться такие пухленькие, развитые щенки с приплюснутыми воинственными мордочками и пронзительными голосами не хуже, чем у морских чаек. Все они по традиции были разномастными: черно-белые, бело-рыжие, серебристо-серые, голубовато-серые, сплошь черные и совершенно белые. Вообще, собачье потомство на Корфу всегда столь разнообразно, что вопрос отцовства прояснить невозможно. Разложив на коленях твякающий выводок, я сказал Лулу, какая она умница. В ответ она восторженно замотала хвостом.

– Умница? – с горечью повторила мама Кондос. – Одиннадцать щенков – глупее не придумаешь. Нам придется от всех, кроме одного, избавиться.

Я и сам понимал, что Лулу не позволят сохранить такое большое потомство: одного оставят, и на том спасибо. Кажется, я могу прийти им на помощь. Я сказал, что моя мать не только обрадуется щенку, но и будет преисполнена благодарности за то, что их семья вместе с Лулу сделали ей такой подарок. После долгих раздумий я выбрал визгливого увальня, черно-белосерого кобелька с бровями и «носочками» кукурузного оттенка. Я попросил поддержать его, пока он не станет самостоятельным. А я пока сообщу матери радостное известие, что у нас появилась еще одна собака и теперь их у нас пять, красивая круглая цифра.

Удивительное дело, но предстоящее пополнение собачьего семейства мою мать нисколько не обрадовало.

– Нет, дорогой, – сказала она твердо. – И четырех вполне достаточно. На еду для твоих сов и всех остальных мы и так тратим целое состояние. Так что, боюсь, больше никаких собак.

Тщетно объяснял я ей, что несчастного щенка просто утопят. Мать была непреклонна. Оставался только один выход. Я давно уже заметил, что, если ей задать гипотетический вопрос, хочет ли она целое гнездо с новорожденными горихвостками, ответ будет резко отрицательным. Однако стоит мне принести в дом такое гнездо, как она начинает колебаться, а затем говорит «да». Стало быть, надо просто поставить ее перед фактом. Я не сомневался, что она не сможет устоять перед щенком с золотистыми бровями и «носочками». И послал семье Кондос записочку с вопросом, могу ли я показать щенка своей матери, и уже на следующий день одна из дочерей-толстух с готовностью его доставила. Я развернул ткань, в которую он был завернут, и с досадой увидел, что мне прислали не того щенка. Я объяснил это дочери, но та возвращалась в деревню и уже ничего не могла поделать. Она посоветовала мне самому отправиться к маме Кондос и поторопиться, так как этим утром мама грозилась от всех от них избавиться. Я вскочил на ослицу и галопом отправился через оливковую рощу.

Когда я приехал на ферму, мама Кондос сидела на солнце и сплетала белые низки из головок чеснока, а вокруг нее, довольно поквохтывая, царапала землю куры. После того как меня обняли, расспросили о здоровье всей семьи и дали тарелку зеленого инжира, я предъявил щенка и объяснил цель своего приезда.

– Не тот? – воскликнула она, разглядывая твякающего щенка и тыча в него указательным пальцем. – Не тот! Какая же я глупая. О, хо, хо, хо. Я-то думала, что вам понравился с белыми бровками.

– Вы уже успели избавиться от остальных? – с тревогой спросил я.

– Ну да, – ответила она рассеянно, продолжая разглядывать щенка. – Еще рано утром.

– Что ж, – сдержанно сказал я. Раз уж не смог заполучить желанного, заберу спасенного.

– Нет-нет, я попробую достать для вас того, которого вы хотите. – С этими словами она поднялась и подобрала мотыгу с широким лезвием.

Интересно, подумал я, как она собирается достать мне этого щенка, если она от них избавилась? Уж не намерена ли она выкопать труп? Спасибо, не надо. Я готов был заявить об этом вслух, но мама Кондос, бормоча себе под нос, уже укывляла к соседнему полю, где желтели хрупкие стебли первой кукурузы на растрескавшейся от солнца почве. Оглядевшись, она пару

раз махнула мотыгой, и вдруг раздался визг трех щенят, которые отчаянно сучили ножками, а их глаза, уши и розовые рты были забиты комьями земли.

От ужаса я остолбенел. Убедившись, что не того выкопала, она их отбросила и продолжила свое дело. Только сейчас до меня дошел весь кошмар содеянного. В груди как будто лопнул кровавый пузырь ненависти, слезы гнева потекли по щекам. Из своего немалого запаса греческих ругательств я выуживал самые страшные и швырял в лицо маме Кондос. Потом я ее оттолкнул, и она так и села среди кукурузы. Выкрикивая проклятия и призывая в свидетели всех мыслимых святых и богов, я схватил мотыгу и стал быстро, но осторожно откапывать задыхающихся щенят. Мама Кондос молчала, открыв рот, ошеломленная столь внезапным переходом от безмятежности к ярости. Я побросал щенков в рубашку, прихватил Лулу и сохраненного детеныша и отчалил на ослице, продолжая осыпать проклятиями маму Кондос, которая уже успела подняться с земли и бежала за мной с криками: «Золотой мой, что случилось? Почему вы плачете? Да забирайте их всех!»

Я влетел в дом разгоряченный, заплаканный, грязный, прижимая к себе рубашку с живым грузом, а за мной трусилась Лулу в восторге от неожиданной вылазки для нее и всего семейства. Мать, как всегда, суетилась на кухне и придумывала деликатесы для Марго, которая на пару дней уехала на материк залечивать очередную сердечную рану. Выслушав мой сбивчивый и негодующий рассказ, мать, естественно, была потрясена.

– Невероятно! – возмутилась она. – Эти крестьяне! Откуда такая жестокость? Похоронить живыми! Первый раз слышу о подобном варварстве. Ты их спас, дорогой, и правильно сделал. И где они теперь?

Резким движением, словно делая харакири, я развернул рубашку, и на стол обрушился каскад трепыхающихся щенков, которые с громким писком стали вслепую расплзаться.

– Джерри, только не на стол... я раскатываю тесто! – всполошилась мать. – Ох уж эти дети! Нам только не хватало пирогов с грязью. Возьми корзину!

Я принес корзину, и мы их всех туда пересадили.

– Бедняжки, – сказала мать, разглядывая щенят. – Как их много. Сколько? *Однинадцать!* У нас и так много собак. Нет, это невозможно.

Я уже все обдумал, поспешил я ее успокоить. Как только они подрастут, я их раздам в хорошие руки. А пока мне поможет Марго, это ее отвлечет от секса.

– Джерри! – ужаснулась мать. – Не говори таких вещей. От кого ты это услышал?

– Ларри сказал, что ей надо отвлечься от секса, и я подумал, что это будет самый лучший выход.

– Забудь это, – попросила она. – Ларри не должен был такое говорить. Марго, она просто... просто... немного переволновалась. И секс тут ни при чем. Это совсем другое. Что подумают люди, если они от тебя такое услышат? Иди и пристрой щенков в безопасном месте.

Я отнес их под раскидистую оливу неподалеку от веранды, привязал Лулу к дереву и влажной тряпкой оттер щенков от грязи. Решив, что корзина слишком ненадежное место для воспитания потомства, Лулу тут же выкопала между корней нору и одного за другим перенесла туда все семейство. Своего любимца я оттирал особенно долго, чем вызвал его неудовольствие. Я все думал, как мне его назвать, и в конце концов дал ему кличку Лазарь, сокращенно Лаз. Потом я бережно поместил его среди братьев и сестер и отправился за чистой рубашкой, так как эта была вся в грязи и пятнах от мочи.

Когда я пришел к обеду, мать как раз посвящала Лесли и Ларри в историю про щенков.

– Невероятно, – сказал Лесли. – Вряд ли это осознанная жестокость. Скорее они просто не задумываются. Вспомните, как они суют раненых птиц в свой ягдташ. И что было дальше? Джерри их утопил?

– Конечно нет! – с негодованием воскликнула мать. – Он принес их домой.

– О господи! – сказал Ларри. – Еще собаки! У нас и так уже четыре.

– Это же щенки, бедняжки.

– И сколько их? – поинтересовался Лесли.

– Одиннадцать, – неохотно призналась мать.

Ларри положил нож и вилку и уставился на нее:

– Сколько? Одиннадцать? Одиннадцать собак? Ты с ума сошла.

– Я же тебе говорю, это щенки... еще совсем крохи, – разволновалась мать. – И Лулу отлично с ними справляется.

– Лулу. Это еще кто такая?

– Их мать. Очень симпатичная.

– То есть целая дюжина собак, черт их подери.

– Наверное, – сказала мать. – Я не считала.

– В этом вся наша беда, никто не считает! – огрызнулся Ларри. – И вот мы уже по колено в помете. Дни творения в худшем варианте. Не успел оглянуться, как из одной совы вырос целый батальон; в каждой комнате сексуально озабоченные голуби, которые озадачили бы саму Мэри Стоупс²; в доме пернатых, как в лавке торговца домашней птицей, не говоря уже о змеях и лягушках, которых ведьмам из «Макбета» хватило бы на многие годы. И ко всему этому ты еще добавляешь дюжину собак! Отличный пример помешательства, охватившего нашу семью.

– Глупости, Ларри. Ты, как всегда, преувеличиваешь, – сказала мать. – Столько крика из-за нескольких щенков.

– Нескольких? Этот дом превратится в греческий филиал Крафтовской выставки собак. А потом еще выяснится, что все суки, и они разом оценятся в один прекрасный день. Одна бесконечная собачья оргия.

– Кстати. – Мать решила сменить тему. – Ты не должен говорить на каждом углу, что Марго сексуально озабоченная. Люди могут тебя неправильно понять.

– Но это правда. Не вижу причины ее скрывать.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь, – настаивала на своем мать. – Я этого не потерплю. Марго просто романтически настроена. Большая разница.

– Когда все эти суки разродятся, они ей составят хорошую компанию.

– Всё, Ларри, хватит. Больше никаких разговоров о сексе за столом.

Через пару дней Марго вернулась из своей поездки, загорелая и, судя по всему, с залеченным сердцем. Она безостановочно рассказывала о своем путешествии, сопровождая графическими миниатюрами тех, с кем она познакомилась, и каждый раз заключая это фразой: «Я им говорю: если окажетесь на Корфу, непременно заглядывайте к нам».

– Я надеюсь, дорогая, ты пригласила не всех новых знакомых? – несколько встревоженно спросила мать.

– Конечно нет, мама, – отмахнулась Марго, только что поведавшая о греческом моряке, красавце, и его восьми братьях, которых она горячо зазывала в гости. – Только *ярких*. Я подумала, что ты будешь рада ярким людям.

– Спасибо, но мне хватает ярких друзей Ларри, – холодно сказала мать. – И ты туда же.

– Эта поездка открыла мне глаза, – драматично заключила Марго. – Я поняла, что вы все здесь просто загниваете. Это приводит к узости мышления и... и изолированности.

– Возражать против неожиданных гостей – не вижу, дорогая, в этом узости мышления. Между прочим, вся готовка на мне.

– Какие же они неожиданные? – заносчиво выпалила Марго. – Я ведь их пригласила.

– Ну да, – сказала мать, чувствуя, что спор зашел в тупик. – Если они заранее напишут и предупредят о своем приезде, то конечно.

---

² Мэри Шарлотта Кармайкл Стоупс (1880–1958) – британская писательница, ученый, основала первую в Великобритании клинику по контролю за рождаемостью.

– Само собой, предупредят, – холодно заметила Марго. – Мои друзья не настолько плохо воспитаны, чтобы приехать без предупреждения.

Она ошиблась.

Как-то я вернулся на виллу, подрумяненный солнцем и страшно голодный после приятно проведенного дня на лодке в поисках тюленей. Я влетел в гостиную, рассчитывая на чай и гигантский шоколадный торт, который мать собиралась испечь, и застал столь удивительную картину, что остановился на пороге с открытым ртом, а собаки, сбившись у моих ног, оцетинились и зарычали от изумления. Мать, неловко пристроившись на подушке, возлежала на полу, осторожно держа в руке веревку, к другому концу которой был привязан черный и весьма резвый барашек. Вокруг матери, скрестив ноги, сидели на подушках свирепого вида старик в феске и три дамы в чадрах. Перед ними на полу были расставлены лимонад, чай и тарелки с печеньем, бутербродами и шоколадным тортом. Когда я вошел в комнату, старик подался вперед, вытащил из-за пояса огромный, богато инкрустированный кинжал и, отрезав себе здоровый кусок торта, засунул его в рот с выражением полнейшего удовольствия. Все это напоминало сцену из «1001 ночи». Мать страдальчески на меня посмотрела.

– Дорогой, как хорошо, что ты пришел. – В этот момент ей пришлось вступить в борьбу с барашком, который по ошибке скакнул прямо на нее. – Эти люди не говорят по-английски.

Я поинтересовался, кто они.

– Если бы я знала! – в отчаянии сказала мать. – Я готовила чай, когда они появились, и вот уже сидят несколько часов. Я не понимаю ни слова из того, что они говорят. Это они настояли, чтобы мы сидели на полу. Я так думаю, что это друзья Марго. Для друзей Ларри они, кажется, не слишком интеллектуальны.

Я наугад заговорил по-гречески, и старик тут же вскочил на ноги, обрадованный тем, что кто-то его понимает. У него был загнутый орлиный нос, большущие седые усы, похожие на покрытый изморозью кукурузный початок, и черные глаза, словно по щелчку, меняющиеся вместе с его настроением. Он был в белой рубашке с красным поясом, за который был заткнут кинжал, мешковатых шароварах, высоких белых хлопчатобумажных носках и красных *чаруки* – туфлях с загнутыми носами, украшенными большими помпонами.

– Так вы брат прелестной синьорины? – с восхищением возопил он, и крошки от шоколадного торта задрожали на его усах. – Для меня это такая честь!

Он прижал меня к себе и расцеловал с таким жаром, что собаки залаяли, явно опасаясь за мое здоровье. Барашек при виде четырех горластых собак в панике забегал вокруг матери, накручивая на нее веревку. Когда Роджер издал особенно яростный рык, бедняга с испуганным «мэ» в поисках спасения бросился к французскому окну, а мать, хлопнувшись на спину, перевернула лимонад и шоколадный торт. Тут началось форменное светопреставление.

Роджер, решив, что турок собирается расправиться с матерью и со мной заодно, набросился на его чаруки и вцепился в помпон. Старик попробовал свободной ногой лягнуть пса и в результате распластался. Женщины, скрестив ноги, по-прежнему сидели на подушках, как изваяния, и только визжали из-под своих *яшмаков*. Мамина собачка Додо, давно решившая, что бедлам в доме особенно вреден для денди-динмонт-терьера с ее родословной, скорбно завывала в углу. Старый турок, на удивление шустрый для своих лет, выхватил кинжал и делал столь же яростные, сколь и бесполезные выпады против Роджера, который хватал зубами то один помпон, то другой, агрессивно рыча и легко уворачиваясь от острого лезвия. Писун и Рвоткин старались поймать барашка, а мать, предпринимавшая тщетные попытки распутать веревку, выкрикивала отрывочные инструкции в мой адрес.

– Барашек! Джерри, лови барашка. Они его убьют! – голосила она, вся облитая лимонадом и усыпанная крошками от шоколадного торта.

– Дьявольский выродок! Собачье отродье! Мои туфли! Оставь в покое мои туфли! Я тебя убью... задушу! – пыхтел турок, продолжая размахивать перед носом Роджера кинжалом.

– Аيي! Аيي! Аيي! Его туфли! Его туфли! – хором визжали женщины, неподвижно восседавая на подушках.

Не без труда избежав колотой раны, я оттащил Роджера от вождельных помпонов и увел его вместе с Писуном и Рвоткиным на веранду. Затем я открыл раздвижные стеклянные двери и запер барашка в столовой в качестве временной меры, пока я буду врачевать душевные раны старого турка. Мать с нервной улыбкой бодро кивала на все, что я говорил, не понимая при этом ни слова, и все пыталась хоть немного отчиститься, но у нее это плохо получалось, поскольку шоколадный торт в этот раз удался ей на славу и по размерам, и по вязкости, крем из него так и сочился, а она, валясь на спину, въехала локтем в самую середину торта. В конце концов мне удалось успокоить старика. Пока мать переодевалась наверху, я наливал бренди турку и его трем женам. При этом я не скупился, и к тому моменту, когда мать вернулась, по крайней мере из-под одной чадры раздавалось слабое икание, а нос у турка сделался пунцовым.

– Ваша сестра... не знаю, как сказать... само волшебство... она послана небом. Первый раз вижу такую девушку, – говорил турок, с готовностью протягивая свой бокал. – У меня, как видите, три жены, но ваша сестра что-то особенное.

– Что он сказал? – спросила меня мать, с тревогой поглядывая на кинжал. Я ей перевел.

– Отвратительный старик, – прореагировала она. – Марго следовало быть благоразумнее. Турок осушил бокал и снова протянул, компанейски нам улыбаясь.

– Простоватая у вас служанка, – сказал он, показав пальцем на мать. – Совсем не говорит по-гречески.

– Что он сказал? – спросила мать.

Я добросовестно перевел.

– Наглец! – возмутилась мать. – Ну, я Марго покажу. Объясни ему, кто я.

Я объяснил, и реакция турка превзошла все ожидания. Он с воплем вскочил, схватил ее за руки и стал покрывать поцелуями. А затем, продолжая их удерживать, как в тисках, и заглядывая ей в глаза, пропел так, что задрожали усы:

– Вы мать моего Цветущего Миндаля!

– Что он сказал? – спросила она дрожащим голосом.

Но прежде чем я успел перевести, турок что-то гаркнул своим женам, и те, впервые ожившись, повскакали со своих подушек, подбежали к матери и, откинув чадру, принялись с необыкновенным подобострастием целовать ей руки.

– Зачем они это делают? – задыхнулась мать. – Джерри, скажи им, чтобы они прекратили.

Вернув жен на подушки, турок снова повернулся к матери. Он приобнял ее за плечи мощной ручищей, так что она даже пискнула, а другую выбросил вперед ораторским жестом.

– Мог ли я мечтать, – загремел он, не отводя от нее глаз, – что мне выпадет честь увидеть мать моего Цветущего Миндаля?

– Что он сказал? – взволнованно спросила мать, зажатая в медвежьих объятьях, как в ловушке.

Я снова перевел.

– Цветущий миндаль? Это он о чем? Какой-то сумасшедший, – сказала она.

Я пояснил, что турок, судя по всему, без памяти влюблен в Марго и это он так ее называет. Мои слова подтвердили худшие опасения матери по поводу намерений турка.

– Цветущий миндаль, вот как! – с негодованием воскликнула она. – Я ей устрою цветущий миндаль, пусть только вернется!

И в эту самую минуту в дверях появилась Марго собственной персоной, свежая и похорошевшая, в весьма открытом купальном костюме.

– Оооооо! – закричала она в восторге. – Мустафа! И Лена, и Мария, и Телина! Какое счастье!

Турок бросился к ней и принялся подобострастно покрывать ее руки поцелуями, а три жены окружили их и что-то нежно мурлыкали.

– Мама, это Мустафа, – с сияющим лицом объявила Марго.

– Мы уже познакомились, – мрачно сказала мать. – Он испортил мое новое платье... точнее, не он, а его барашек. Пойди оденься.

– Барашек? – озадаченно переспросила Марго. – Какой еще барашек?

– Которого он привел для своего цветущего миндаля, как он тебя называет, – с вызовом бросила ей мать.

– Это всего лишь прозвище, – сказала Марго, покраснев. – Он не имеет в виду ничего дурного.

– Знаю я этих извращенных старикашек, – зловеще произнесла мать. – Тебе бы не мешало быть дальновиднее.

Турок слушал их разговор, переводя ясный взор с одной на другую и лучезарно улыбаясь. Поняв, что, если между матерью и Марго начнется настоящая перепалка, мои способности как переводчика могут оказаться ограниченными, я открыл раздвижные двери и впустил в комнату барашка. Он вошел дерзкой танцующей походкой, черный и кудрявый, как грозовая туча.

– Как ты смеешь оскорблять моих друзей! – выкрикнула Марго. – Он не извращенный старец, а один из самых чистых мужчин из всех, кого я знаю.

– Мне нет дела до того, чистый он или не чистый, – сказала мать, теряя терпение. – Он не останется в нашем доме вместе со своими... женщинами. Я не собираюсь готовить для гарема.

– Разговор матери и дочери – такое наслаждение, – доверительно сказал мне турок. – Как будто слушаешь перезвон колокольчиков в отаре овец.

– Ты ужасная, ужасная! – сорвалась Марго. – Из-за тебя у меня нет друзей. Ты узко мыслишь, провинциально!

– По-твоему, возражать против троюбенства – это провинциально? – вознегодовала мать.

– Это мне напоминает пение наших соловьев. – У турка увлажнились глаза.

– Он турок, что ты от него хочешь? – взвизгнула Марго. – У него должно быть три жены.

– Любой мужчина может избежать троюбенства, если только захочет, – стояла на своем мать.

– Видимо, Цветущий Миндаль рассказывает вашей матери о счастливом времени, проведенном в нашей долине, правда? – продолжал турок доверительный разговор со мной.

– Ты всегда меня подавляла, – сказала Марго. – Что бы я ни сделала, все не так.

– Беда в том, что я тебе даю слишком много свободы. Я отпускаю тебя на несколько дней, и вот ты возвращаешься с этим... с этим... старым распутником и его танцовщицами, – возразила мать.

– Вот. Что я сказала? Ты меня подавляешь, – торжествующе воскликнула Марго. – Теперь ты решила, что у меня виды на турка.

– Я бы мечтал привезти их в нашу деревню, – сказал турок, глядя на мою мать и сестру влюбленным взглядом. – Мы прекрасно проводили бы время... танцы, песни, вино...

Барашек обиделся, что никто не обращает на него внимания. Он уже и поскакал, и поместил пол в гостиной, и продемонстрировал пару классных пируэтов – никакой реакции. Тогда он пригнул голову и бросился на мать. Наскок получился выше всяческих похвал. Об этом я могу судить со знанием дела, так как во время своих экспедиций в окрестные оливковые рощи я нередко встречал горячих и необузданных молодых баранов и сражался с ними, к нашему обоюдному удовольствию, как матадор, используя рубашку в качестве плаща. Осуждая результат, я вынужден признать, что атака была хорошо продумана и блестяще проведена: кучерявый барашек врезался своей костлявой головой точнехонько матери под коленки, отчего она улетела на продавленный, набитый конским волосом диван, словно в нее попал артиллерийский снаряд, и там ловила ртом воздух. Действия подаренного им барашка привели турка в ужас,

и он поспешил прикрыть мать собой, выставив вперед руки, дабы защитить ее от повторной атаки, похоже неминуемой, так как барашек, довольный собой, отбежал на некоторое расстояние и боевито пританцовывал наподобие боксера, разминающегося в углу ринга.

– Мама, мама, с тобой все в порядке? – переполошилась Марго.

Мать была не в состоянии что-либо ответить.

– О! Он такой же отчаянный, как я, Цветущий Миндаль, – вскричал турок. – Давай, смельчак, вперед!

Барашек ответил на приглашение так внезапно и с такой скоростью, что застиг турка врасплох. Черная масса метнулась через всю комнату, стуча копытами по вытертым половицам с пулеметной дробью, раздался удар по лодыжкам, и турок грохнулся на диван рядом с матерью, где и лежал, издавая громкие крики от ярости и боли. В свое время я получал такие подсечки, так что его ощущения были мне хорошо знакомы.

Жены турка остолбенели от ужаса при виде своего поверженного господина и только голосили, как три муэдзина на минарете во время захода солнца. И вот эту прелюбопытную картину застали появившиеся в дверях Ларри и Лесли. Они остановились на пороге, не веря своим глазам: я, гоняющийся по всей комнате за распоясавшимся барашком; Марго, успокаивающая трех причитающих женщин в чадрах; и мать, кувыркающаяся на диване со старым турком.

– Мать, тебе не кажется, что ты уже старовата для подобных развлечений? – сказал Ларри.

– Ух ты, какой шикарный кинжал, – воскликнул Лесли, с интересом разглядывая извивающегося турка.

– Ларри, не говори глупости, – возмутилась мать, массируя ноги под коленками. – Это все Марго и ее турок.

– Как утверждает Спиро, туркам доверять нельзя, – заявил Лесли, не отрывая взгляда от кинжала.

– И все же что это ты кувыркаешься с турком среди дня? – решил уточнить Ларри. – Изображаешь из себя леди Эстер Стэнхоуп?³

– Послушай, Ларри, с меня и так довольно. Не выводите меня из себя. Сделай одолжение, скажи этому человеку, чтобы он как можно скорее покинул наш дом.

– Как ты смеешь, как ты смеешь! Это мой турок, – слезно возопила Марго. – Ты не вправе так с ним обращаться.

– Я иду вверх смазать синяки экстрактом гамамелиса, – сказала мать, направляясь к выходу. – И, когда я спущусь, этого человека не должно быть в моем доме.

К ее возвращению Ларри и Лесли успели подружиться с турком, и, к досаде матери, он и его три жены просидели у нас еще несколько часов, поглощая в огромных количествах сладкий чай и бисквиты, но в конце концов удалось усадить их в экипаж и отправить обратно в город.

– Слава богу, все это закончилось. – Мать, прихрамывая, заковыляла в столовую, чтобы накрыть ужин. – Хорошо уже то, что они у нас не поселились. Марго, в самом деле, ты должна понимать, кого приглашаешь.

– Мне надоело, как ты критикуешь моих друзей, – огрызнулась та. – Самый обычный безобидный турок.

– Из него получился бы очаровательный зять, ты не находишь? – сказал Ларри. – Марго назвала бы будущего сына Али-Баба, а дочь Сезам.

– Дорогой, не надо так шутить, – попросила мать.

– Я не шучу. Старик мне сказал, что его жены уже не первой молодости и он бы с удовольствием взял Марго в качестве четвертой.

---

³ Эстер Стэнхоуп (1776–1839) – британская светская львица, авантюристка, путешественница по Ближнему Востоку.

- Ларри! Это неправда! Какой все-таки мерзавец. Его счастье, что он не обратился с этим ко мне. Уж я бы сказала ему пару ласковых. А ты что ему ответил?
- Я ему сказал, какое мы даем за Марго приданое, и, кажется, это его сильно расхолодило.
- Приданое? Ты о чем? – озадаченно спросила мать.
- Одиннадцать щенков-молокососов.

2. Призраки и пауки

Берегись злого духа.
У. Шекспир. Король Лир. Акт III, сц. 4
(перевод Б. Пастернака)

На протяжении всего года четверг, по моему мнению, был главным днем недели, поскольку именно тогда нас посещал Теодор. Иногда мы семьей уезжали на весь день на пикник в южной части острова или на далекий пляж, но обычно мы с Тео вдвоем отправлялись на прогулки, как он предпочитал их называть. Обвешанные снаряжением в виде сумок, сачков, бутылочек и пробирок, мы в сопровождении собак обследовали остров, одержимые таким же духом приключений, как путешественники эпохи королевы Виктории, забиравшиеся в африканскую глухомань.

Но немногие из викторианских путешественников могли похвастаться таким преимуществом, как Теодор в качестве компаньона: подручная энциклопедия, лучше не придумаешь. Для меня он был всезнающим божеством, только приятнее, ведь его можно потрогать. Не меньше, чем эрудиция Тео, всех поражала его скромность. Я вспоминаю, как мы все сидели на веранде среди остатков щедрого материнского чаепития, слушали утомленных цикад, воспевающих наступление вечера, и забрасывали Теодора вопросами. На нем был безукоризненный твидовый костюм, светлые волосы и борода тщательно ухожены, и стоило кому-то затронуть новую тему, как в глазах Теодора вспыхивал живой интерес.

– Теодор, – обращался к нему Ларри, – в монастыре Палеокастрицы есть икона, написанная, как говорят, Панайотисом Доксарасом. Вы в это верите?

– Боюсь, что я не слишком сведущ в этом вопросе, – осторожно начинал Теодор. – Но я склонен предположить, что ее автор скорее Цадзанис... э-э... который написал эту прелюбопытную вещицу в монастыре Платитера... ну, вы знаете, у дороги, что ведет из столицы на север. Разумеется, он...

После чего следовала развернутая, но довольно сжатая, всего на полчаса, лекция по истории иконописи на Ионийских островах начиная с 1242 года, а в конце говорилось: «Но если вас интересует мнение *эксперта*, есть доктор Парамифиотис, который предоставит вам гораздо больше сведений, чем я».

Неудивительно, что он был для нас оракулом. Слова «Тео сказал» ставили печать подлинности на сведениях, от кого бы те ни исходили; это был оселок для получения материнского согласия, о чем бы ни шла речь – о предпочтительности фруктовой диеты или о безопасности содержания скорпионов в моей спальне. Теодора хватало на всех. С матерью он мог обсуждать растения, в особенности пряные травы, и рецепты, а еще он подкидывал ей детективные романы из своей богатой библиотеки. С Марго он говорил о диетах, физических упражнениях и различных чудодейственных мазях от прыщиков и угрей. Он легко подхватывал любую тему, рождающуюся в живом, как ртуть, мозгу Ларри – от Фрейда до веры крестьян в вампиров. А Лесли он просвещал в отношении истории огнестрельного оружия в Греции или зимних повадок зайца. Если же говорить обо мне с моим невежественным, но пытливым умом, то для меня Теодор был неиссякаемым источником знаний, о каком бы предмете ни шла речь, и я с жадностью припадал к этому источнику.

По четвергам Теодор обычно приезжал около десяти, удобно сидя в конном экипаже на заднем сиденье, на голове серебристая фетровая шляпа, на коленях дорожная сумка, рядом трость с марлевой сеточкой на конце. Я, будучи на ногах с шести утра, высматривал его из окна среди олив, и в конце концов меня охватывало отчаяние: вероятно, он забыл, какой сегодня день, или упал и сломал ногу, или случилась еще какая-то беда. Не могу описать, какое меня

охватывало облегчение при виде его, серьезного, здорового и умиротворенного, в приближающемся экипаже. Солнце, до этой минуты пребывавшее в затмении, начинало снова сиять. Церемонно пожав мне руку, Теодор расплачивался с кучером и напоминал ему о том, что вечером он должен вернуться к назначенному часу. Затем, вскинув сумку на плечо, задумчиво глядя в землю и раскачиваясь в своих до блеска начищенных туфлях, он говорил:

– Я полагаю... м-м... что мы можем обследовать пруды возле... э-э... Контокали. Если, конечно, вы не желаете отправиться... э-э... в другое место.

Я благостно отвечал, что пруды возле Контокали меня вполне устраивают.

– Прекрасно. Одна из причин, почему меня туда... м-м... потянуло... дело в том, что по дороге нас ждет великолепная канава, в которой я... э-э... обнаружил несколько презангематических образцов.

Под оживленный разговор мы направляли наши стопы в сторону оливковой рощи, а из тени мандаринового дерева, помахивая хвостами, выползали собаки, готовые последовать за нами. И тут нас нагоняла задыхающаяся Лугареция, дабы всучить сумку с ланчем, о котором мы напрочь забыли.

Мы шли среди олив под разговоры и иногда останавливались, чтобы изучить цветок или дерево, птичку или гусеницу, – нам все шло впрок, и Теодору обо всем было что сказать.

– Даже не знаю, как вы можете сохранить грибы для своей коллекции. Они в любом случае... э-э... усохнут. Лучше всего их зарисовать или, я не знаю, сфотографировать. Зато вы можете коллекционировать споры, они очень красивые. Что? Ну, вы срезаете шляпку... э-э... хорошего гриба или мухомора и кладете на белую карточку. Конечно, гриб должен созреть, иначе он не выделит спор. Через некоторое время вы аккуратно снимете шляпку... чтобы не смазать выпавшие споры... и увидите на карточке такой красивый... м-м... узор.

Собаки убегали вперед, так что мелькали одни пятки, обнюхивали темные ямки, покрывавшие, как соты, корни древних олив, устраивали шумное и бесполезное преследование ласточек, стелившихся над самой землей в лабиринте среди деревьев. Наконец мы выходили на открытое пространство, где оливковая роща уступала место виноградникам или полям с фруктовыми деревьями либо кукурузой.

– Ага! – изрекал Теодор, остановившись перед наполненной водой и заросшей водорослями канавой и вглядываясь в нее загоревшимися глазами, с ошестинившейся от воодушевления бородкой. – Это уже любопытно. Видите? Рядом с концом моей трости.

Я напрягал зрение, но ничего не видел. Теодор аккуратно зачерпывал привязанным к концу трости маленьким сачком, как будто вытаскивал муху из супа, и поднимал его повыше.

– Теперь видите? Это яйцевой кокон *Hydrophilus piceus*... иными словами, водолюба большого. Кокон этот соткала, как вы понимаете... м-м... самка. Он может содержать до пятидесяти яиц. Любопытный момент... секундочку, я возьму пинцет... Вот... смотрите... эта трубочка или, лучше сказать, мачта... заполнена воздухом, так что вся конструкция похожа на устойчивый кораблик. На то и мачта... Если вы поместите это в аквариум, из яиц вылупятся жучки, хотя должен вас предупредить, что личинки очень... э-э... прожорливые и опасны для других обитателей аквариума. Ну-ка попробуем поймать взрослую особь.

Терпеливо, как какая-нибудь болотная птица, Теодор прохаживался туда-сюда вдоль канавы, то и дело опуская в воду свой сачок.

– Ага! Есть! – наконец воскликнул он и осторожно скинул в мои жадно протянутые ладони большого черного жука, негодующе сучащего лапками.

Я не скрывал своего восхищения сильными ребристыми подкрыльями, щетинистыми ножками и тельцем с оливковым отливом.

– Он довольно медленно плавает в сравнении с... э-э... водяными жуками и делает это весьма своеобразно. М-м... вместо того чтобы использовать обе ноги сразу, как водяные жуки, он действует ими попеременно. Получаются такие... э-э... дерганные движения.

Была ли польза от собак во время наших вылазок? Когда как. Порой они нас только отвлекали, врываясь в крестьянские дворы и атакуя кур, а на выяснения отношений с хозяином уходило по крайней мере полчаса. А временами от них даже была польза: например, они обступали змею и не давали ей ускользнуть, заливаясь громким лаем и приглашая нас для научного осмотра. В любом случае мне было спокойнее, когда меня сопровождали Роджер, похожий на приземистого заросшего черного барашка, Писун в его элегантной шелковой черно-рыжей «попонке» и Рвоткин, представлявший собой нечто среднее между ливерной колбасой и буль-терьером в белых пятнышках. Иногда им надоедало нас дожидаться, но, как правило, они терпеливо отлеживались в теньке, высунув подрагивающие розовые языки, или сидели вальяжно, отвечая на наши взгляды дружеским помахиванием хвоста.

Роджер первым свел меня с красивейшим пауком, носящим изящное имя *Eresus niger*⁴. Мы прошли значительное расстояние и в полдень, когда солнце совсем раскалилось, решили остановиться и устроить в тени маленький пикник. Присев на опушке оливковой рощи, мы взяли за бутерброды и имбирный лимонад. Обычно, когда мы с Теодором трапезничали, собаки рассаживались вокруг, тяжело дышали и умоляюще глядели нам в глаза, изначально полагая, что наша еда будет получше, чем у них, а посему, разделавшись со своей пищей, они ждали щедрых даров от нас, пользуясь всеми уловками азиатских нищих. В данном случае Писун и Рвоткин закатывали глаза, задыхались и всячески давали нам понять, что они на пороге голодной смерти. Как ни странно, Роджер в этом не участвовал. Он сидел на солнышке перед зарослями ежевики и что-то пристально разглядывал. Я подошел посмотреть, чем же это он так увлечен, что даже проигнорировал корочки хлеба. Поначалу я ничего не увидел, и вдруг мне открылось нечто столь совершенное, что я не поверил собственным глазам. Крошечный паучок величиной с горошину показался мне ожившим рубином или ползущей каплей крови. С криком радостного воодушевления я кинулся к дорожной сумке и достал оттуда таблетницу со стеклянной крышкой – как раз для такого великолепного создания. Однако поймать его оказалось не так-то просто, для такой крохи он совершал головокружительные прыжки, и мне пришлось долго гоняться за ним вокруг ежевичного куста, пока я все-таки не усадил его в таблетницу и не понес торжествуя показывать свое сокровище Теодору.

– Ага! – Он отхлебнул лимонада, прежде чем достать увеличительное стекло, чтобы получше рассмотреть моего пленника. – Это *Eresus niger*... м-м... да... естественно, самец... какой красавец... самка сплошь черная, а вот самец ярко окрашенный.

При ближайшем рассмотрении через увеличительное стекло паучок оказался еще прекраснее, чем я думал. Его передняя четвертина или грудная клетка бархатно-черная, с алыми пятнышками по краям. Вокруг недлинных и довольно толстых лапок белые ленточки, до смешного похожие на полосатые брючки. Но больше всего приковывало к себе внимание брюшко: ярко-красное, с тремя черными пятнышками, обрамленными белыми волосками. Редкостный экземпляр. Надо непременно подыскать ему пару и попробовать вывести потомство. Я тщательно обследовал куст ежевики и прилегающие места, но все безрезультатно. Тут Теодор мне объяснил, что самка роет себе норку длиной около трех дюймов и выстилает ее грубоватой сетью из паутины.

– От норок других пауков она отличается тем, – пояснил Теодор, – что в одном месте сеть выступает как козырек или своего рода крыша над входом в тоннель. А кроме того, снаружи козырек украшают остатки употреблявшейся самкой пищи: ножки кузнечика, подкрылья жуков.

Вооруженный этими знаниями, на следующий день я отправился на то же место, чтобы еще раз прочесать все вокруг ежевичного куста. Полдня ушли впустую. Раздосадованный, я поплелся домой к чаепитию, выбрав короткий путь через небольшие холмы, покрытые буй-

⁴ Эрезус черный, или черная толстоголовка (лат.).

ным средиземноморским вереском, который почему-то особенно разрастался на этой песчаной обезвоженной почве. Эту дикую сухую местность облюбовали муравьиные львы, перламутровки и другие солнцелюбивые бабочки, а также ящерицы и змеи. По дороге я вдруг наткнулся на старый череп овцы. В одной из пустых глазниц самка богомола отложила забавную россыпь яиц из тех, что мне всегда напоминали этакий пудинг овальной формы или многослойный бисквитный торт. Присев на корточки, я раздумывал, не прихватить ли эту россыпь для коллекции, когда взгляд мой упал на паучью нору – точь-в-точь такую, как ее описывал Теодор.

Я вытащил ножик и с особыми предосторожностями вырезал большой пласт земли. Когда же я его отвалил, под ним обнаружилась не только самка, но и ее нора. Празднуя свой успех, я спрятал самку в дорожную сумку и заспешил на виллу. Самец уже сидел в маленьком аквариуме, но самка, подумал я, заслуживает лучшей участи. Из большого аквариума я бесцеремонно изгнал двух лягушек и мальшку-черепашку, почистил его, украсил вереском и мхом, а затем аккуратно положил внутрь пласт земли вместе с самкой и ее норкой и оставил ее приходить в себя после столь внезапной перемены в жизни.

Спустя три дня я ей представил самца. Поначалу все было на редкость неинтересно, ничего романтического, он просто бегал, как оживший горячий уголек, и ловил разных насекомых, которых я щедро предоставил. Но однажды рано утром я заглянул в аквариум и понял, что паук наконец обнаружил жилище самки. Он ходил вокруг, забавно, дергаными движениями переставляя свои полосатые лапки, и все его тельце дрожало, судя по всему, от страсти. Пошагав так минуту-другую в сильном возбуждении, он приблизился к норе и через мгновение нырнул под крышу. Хотя дальнейшее, увы, было вне поля моего зрения, я сделал заключение, что он там спаривается с самкой. Проведя в норе около часа, он вышел оттуда с беспечным видом и продолжил как ни в чем не бывало гоняться за кузнечиками и падальными мухами, которыми я его обеспечил. На всякий случай, решив перестраховаться, я отсадил его в другой аквариум, поскольку самки некоторых пауков известны своими каннибалистскими наклонностями и не прочь употребить супруга в качестве легкой закуски.

Дальнейшее развитие драмы я видел не во всех подробностях, но кусками. Отложив яйца, самка тщательно завернула их в паутину. Этот шарик она схоронила в глубине тоннеля, но каждый день вытаскивала оттуда и вешала под крышей. То ли поближе к солнечным лучам, то ли ради свежего воздуха, затрудняюсь сказать. А еще она маскировала шарик ошметками от съеденных жуков и кузнечиков.

Шли дни, и помимо крыши над тоннелем она еще соорудила над землей шелковистый навес. Я долго изучал сей архитектурный шедевр, но в конце концов потерял терпение, поскольку невозможно было разглядеть, что происходит в самой норе. Пришлось взять скальпель и длинную штопальную иглу и осторожно вскрыть этот свод. Изумленный, я увидел множество клеточек, а в них новорожденных паучков, в центре же лежал труп матери. Одновременно мрачная и трогательная картина: детки, сидящие вокруг усопшей, своего рода бдение у гроба. Когда новорожденные встали на ноги, мне пришлось выпустить их на волю. Обеспечить едой почти восемьдесят паучков – даже для меня, при всем моем энтузиазме, задача была неподъемной.

Среди множества друзей, которых Ларри посчитал нужным ввести в наш дом, оказалась необычная пара художников – Лумис Бин и Гарри Банни. Оба американцы, они относились друг к другу с большой нежностью, то есть настолько нежно, что уже на следующий день мы называли их между собой не иначе как Киска Луми и Душка Гарри. Молодые, привлекательные, с плавными движениями, как будто без костей, что характерно для «цветных», в отличие от европейцев. Пожалуй, перебирали с золотыми браслетами, а также с духами и лаком для волос, но симпатяги и, в отличие от других художников, останавливавшихся у нас, трудолюбивы. Как многие американцы, они отличались очаровательной наивностью и прямолинейно-

стью, что делало их идеальной мишенью для розыгрышей. Особенно в этом преуспел Лесли. Я тоже принимал в них участие и потом докладывал о результатах Теодору, получавшему от всего этого такое же невинное удовольствие, как и мы с Лесли. Каждый четверг я рассказывал о развитии сюжета, и порой у меня складывалось ощущение, что Теодор ждал этих шуток с большим интересом, чем новостей из моего зверинца.

Лесли был гением розыгрышей, и детская доверчивость нашей парочки вдохновляла его на новые высоты. Вскоре после их появления он подбил их на то, чтобы поздравить Спирос с благополучным получением турецкого гражданства. Как и большинство греков, считавший турок злом страшнее самого Сатаны и посвятивший несколько лет борьбе с ними, Спирос превратился в извергающийся вулкан. К счастью, мать оказалась рядом и вовремя встряла между побледневшими, озадаченными и протестующими Луми и Гарри, с одной стороны, и бочковидным, накачанным торсом, с другой. Она напоминала миниатюрную викторианскую миссионерку, которая пытается остановить наседающего носорога.

– Божья Мать! Миссис Даррелл! – рычал Спирос. – Я сейчас им показать.

– Нет-нет, Спирос. Мы сейчас во всем разберемся.

– Они меня назвать чертов турка! Я грек, а не чертов турка!

– Ну разумеется, – успокаивала его мать. – Я уверена, что это какая-то ошибка.

– Ошибки! – взревел Спирос, от ярости переходя на множественное число. – Ошибки!

Я не позволю делать из меня турка. Эти, черт бы их, гомики, вы уж меня простите, миссис Даррелл.

Мать долго его успокаивала, а потом допытывалась от перепуганных Киски и Душки, что же такого они ему сказали. В результате у нее разболелась голова, и она сильно злилась на Лесли.

Через какое-то время ей пришлось выселить их из гостевой спальни из-за косметического ремонта. Она их поместила в одну из больших и мрачных чердачных комнат, что дало Лесли повод рассказать им историю звонаря из Контокали, который умер на чердаке. Этот сущий дьявол году в 1604-м или около того был официальным палачом на Корфу. Сперва он истязал своих жертв, а потом звонил в колокольчик, прежде чем отрубить голову. Кончилось тем, что он жителям порядочно надоел и однажды ночью они ворвались в его дом и обезглавили его самого. В дальнейшем, в качестве прелюдии к появлению безголового призрака с кровавым обрубком шеи, на улицах раздавался безумный трезвон колокольчика.

Сумев убедить доверчивую пару в правдивости этой истории, чему поспособствовал Теодор, Лесли одолжил у приятеля-часовщика пятьдесят два будильника, приподнял на чердаке две половицы и спрятал под ними часовые механизмы, предварительно заведя на три часа ночи.

Эффект одновременно зазвеневших пятидесяти двух будильников оказался весьма впечатляющим. Луми и Гарри с воплями ужаса мгновенно покинули чердак, а в спешке кто-то кого-то еще зацепил, и они вдвоем, обнявшись, загремели с лестницы. Жуткий грохот перебудил весь дом, и не сразу удалось убедить парочку в том, что это был розыгрыш, и пришлось их успокаивать с помощью бренди. У матери, не говоря уже о гостях, утром снова разболелась голова, а с Лесли после этого она еще долго не разговаривала.

О невидимых фламинго мне случайно стало известно в один прекрасный день, когда мы все пили чай на веранде. Теодор поинтересовался у американской пары, как подвигается их работа.

– Дорогой Тео, – начал Гарри Душка, – у нас все складывается божественно, просто божественно, не правда ли, киска?

– О да, – заговорил Киска Луми. – О да. Здесь фантастический свет, просто фантастический. Как будто солнце приблизилось к земле.

– Вот-вот, – согласился с ним Душка Гарри. – Луми очень точно сказал. Солнце спустилось вниз, чтобы осветить нам, грешным.

– Я тебе как раз утром об этом сказал, да, киска?

– Да, Луми. Мы стояли возле сарайчика, и ты мне говоришь...

– Выпейте еще чаю, – перебила их мать, уже зная, что эти двое смертных, если их не остановить, будут говорить бесконечно о нерушимости их союза.

Беседа ушла в эмпирию искусства, и я слушал вполуха, когда вдруг мое внимание привлекли слова Киски Луми:

– Фламинго! О, Гарри Душка! Мои любимые птицы! Где они, Лес, где?

– Там. – Лесли махнул рукой, соединяя разом Корфу, Албанию и большую часть Греции. – Целые стаи.

Я заметил, что Теодор, как и я, задержал дыхание в ожидании, что мать, Марго или Ларри сейчас начнут опровергать эту откровенную ложь.

– Фламинго? – заинтересовалась мать. – Я и не знала, что здесь обитают фламинго.

– Да, – уверенно подтвердил Лесли. – Их здесь сотни.

– Теодор, вы знали, что здесь есть фламинго? – спросила мать.

– Я... э-э... как-то видел их на озере Хакиопулос, – ответил Теодор, не уклоняясь от истины, однако умалчивая о том, что случилось это три года назад и к тому же это был единственный случай, когда фламинго посетили Корфу. У меня в память об этом хранилась горсть розовых перышек.

– Святой Боже! – воскликнул Киска Луми. – Лес, дорогой, а мы могли бы на них взглянуть хоть одним глазком?

– Конечно, – беззаботно ответил он. – Нет ничего проще. Каждый день они летают одним и тем же маршрутом.

На следующее утро Лесли вошел в мою комнату с чем-то напоминающим пастуший рожок, сделанный из коровьего рога. Я спросил Лесли, что это, и он улыбнулся.

– Манок для фламинго, – произнес он с довольным видом.

Сильно заинтригованный, я сказал, что никогда о таком не слышал.

– Я тоже, – признался он. – Вообще-то, в таком коровьем роге хранят порох для дульнозарядных ружей. Но кончик отломился, и теперь в этот рог можно дудеть.

В качестве иллюстрации он поднес к губам заостренный конец и дунул в рожок. Раздался долгий трубный звук, нечто среднее между сигналом горна и малопристойной губной вибрацией с резонирующими обертонами. Я выслушал критически и прямо ему сказал, что это несколько не похоже на крик фламинго.

– Да, но Киска Луми и Душка Гарри про это, уж поверь мне, ничего не знают, – сказал он. – А теперь мне нужны твои фламинговые перышки.

Я не очень-то хотел расставаться с таким раритетом из коллекции, но Лесли объяснил, зачем ему нужны перышки, и пообещал, что ничего с ними не случится.

В десять утра появились Луми и Гарри, одетые, как им велел Лесли: большая соломенная шляпа и резиновые сапоги, поскольку, объяснил он, нам, возможно, придется топтать за фламинго по болотам. Оба возбужденно предвкушали приключение, а когда Лесли продемонстрировал им манок, их энтузиазм вышел за всякие рамки. Они дули в рог с такой силой, что собаки выли и лаяли как безумные, а Ларри в ярости высунулся из окна своей спальни и сказал, что, если мы и дальше будем устраивать тут лисью травлю, он отсюда съедет.

– А ты в твои годы куда смотришь? – бросил он матери, которая вышла на эту вакханалию, и захлопнул окно.

Мы вывели наших отважных охотников в открытое поле и заставили пройти около двух миль, после чего энтузиазма у них немного поубавилось. Потом принудили их влезть на вершину почти неприступного холма, усадили их в заросли ежевики и велели трубить для при-

влечения фламинго. Полчаса они всю старались по очереди, пока не выдохлись. Под конец рог звучал, как стон отчаяния смертельно раненного слона, и уж никак не птицы.

Тут пришел мой черед. Запыхавшийся и возбужденный, я взбежал на вершину холма и сообщил нашим охотникам, что их усилия не пропали даром. Фламинго на зов отреагировали, но, к сожалению, они находятся восточнее, на равнине, в полумиле от холма. Если охотники поспешат, то Лесли их дождется. Я не переставал восхищаться американским упорством. Топая в своих неудобных резиновых сапогах, они помчались к другому холму и по моему указанию периодически останавливались, чтобы, отдуваясь, продудеть в рог. Обливаясь потом, они влезли на холм, где их ждал Лесли. Он им сказал, что пусть они здесь дуют, а он пока спустится вниз и погонит стаю фламинго в их сторону. А чтобы ему идти налегке, он им оставил свое ружье и ягдташ. Через минуту он скрылся из виду.

И тут к представлению подключился Филимон Контакоса, наш любимый полицейский. Вне всякого сомнения, главный толстяк и соня в боевых рядах Корфу, он прослужил в правоохранительных органах тридцать с лишним лет и объяснял свое неподвижение по службе тем, что ни разу никого не арестовал. Он многословно объяснял, что физически на такое не способен, и от одной мысли о грубом обращении с преступником его глаза цвета темной фиалки наполнялись слезами, а в дни праздников, при первом же намеке на ссору между подгулявшими односельчанами, он решительно уходил в сторонку. Вообще, он предпочитал вести тихий образ жизни и пару раз в месяц наносил нам визит, чтобы повосхищаться коллекцией оружия (на которое у Лесли не было официального разрешения), а заодно принести в подарок контрабандный табак для Ларри, цветы для матери и Марго и засахаренный миндаль для меня. В юности, будучи матросом на торговом судне, он неплохо освоил английский язык, что, вкупе с любовью всех корфиотов к розыгрышам, делало его идеальным пособником в осуществлении наших задумок. И он не ударил в грязь лицом.

Филимон вразвалку поднялся на холм, одетый с иголки, каждым килограммом олицетворяя закон и порядок; словом, образцовый полицейский. Застав наших охотников за бесплодными упражнениями на «манке», он благосклонно поинтересовался, чем это они занимаются. На что Киска Луми и Душка Гарри радостно откликнулись, как два щенка, похвалили Филимона за его ломаный английский и ответили на вопрос. К ужасу американцев, на их глазах добрый подмигивающий толстяк-полицейский превратился в холодное brutальное воплощение официоза.

– Вы не знаете, что фламинг нельзя стрелять? – рявкнул он. – Запрещено стрелять фламинг!

– Но, дорогой, мы не собираемся в них стрелять, – дрожащим голосом заговорил Киска Луми. – Мы просто хотим их *увидеть*.

– Да. Вы все напутали, – умиротворяющим тоном обратился к нему Душка Гарри. – Мы не собираемся в них стрелять. Мы просто хотим их увидеть. Не стрелять, ясно?

– Если вы в них не стрелять, то зачем вы с ружьем? – спросил Филимон.

– Ах, это. – Киска Луми покраснел. – Это ружье нашего друга... э... амиго... сечете?

– Да-да, нашего друга, – подхватил Душка Ларри. – Лес Даррелл. Вы его знаете? Он хорошо известен в здешних кругах.

Филимон взирал на них холодным, неумолимым взглядом.

– Я не знаю этого друга, – наконец сказал он. – Пожалуйста, открывать сумку.

– Э, постойте, вы чего, – запротестовал Киска Луми. – Это же не наша сумка, офицер.

– Не наша, не наша, – поддержал его Душка Ларри. – Она принадлежит нашему другу Дарреллу.

– У вас оружие. У вас охотничья сумка. Открывать ее, – приказал Филимон.

– По-моему, вы превышаете свои полномочия, офицер, нет, правда, – сказал Киска Луми, а Душка Ларри с готовностью кивнул. – Но если вам так проще, что ж, загляните, я не возражаю.

Он немного повозился с ремешками, потом открыл сумку и передал ее Филимону. Полицейский заглянул внутрь и, победоносно хмыкнув, извлек ощипанную и обезглавленную куриную тушку, утыканную розовыми перьями. Оба отважных охотника заметно побледнели.

– Подождите... э... секундочку... – начал Киска Луми и осекся под грозным взглядом Филимона.

– Я же сказал, фламинг нельзя стрелять. Вы арестованы.

Он повел их, встревоженных и протестующих, в деревню и несколько часов продержал в полицейском участке, где они чуть не сошли с ума и уже путались в письменных показаниях от отчаяния и сдающих нервов. Ну и мы с Лесли подлили масла в огонь: собрали толпу деревенских друзей, которые угрожающе ревели, как это хорошо умеют греки, и, выкрикивая: «Фламонго!», забрасывали полицейский участок камнями.

В какой-то момент Филимон разрешил задержанным послать записку Ларри. Тот ворвался в участок со словами, что лучше бы Филимон ловил злоумышленников, а не занимался розыгрышами, и сопроводил домой незадачливых охотников за фламинго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.